

Настало время гвоздя программы — обеденного перерыва.

— Да у этой тетки из столовой рука дрожит просто возмутительно! Вроде бы суп с редькой и говядиной, а где сама говядина?

Пэн Юй уставился на свой поднос и с предельно серьезным видом принялся ворчать.

Лян Хаожань бросил взгляд на его тарелку.

В отсеке для супа в водичке плавало лишь несколько бледных кусочков редьки.

Если очень постараться, там можно было разглядеть один-два обрывка чего-то неопределенного — скорее похожих на мясные крошки, чем на говядину.

— Школьная столовая что, откаты получает? Сегодня порции урезали просто нагло.

Пэн Юй, который обычно ел всё, что дают, сейчас тоже нахмурился, не сводя глаз с подноса.

— Но хорошо хоть у всех мяса нет, хоть какая-то справедливость. Спасибо еще, что тетка еду накладывала не за красивые глаза, а то бы все мясо досталось нашему школьному красавчику, — покосившись на поднос Лян Хаожаня, поддразнил Пэн Юй.

У Лян Хаожаня дела обстояли ненамного лучше: в его супе плавал лишь жалкий одинокий мясной ошметок.

— Это еще как посмотреть. Насчет красоты вряд ли, но, может, в столовой порции выдают по успеваемости?

В голосе Пан Бо звучало сплошное недоверие. — Наверняка директор отдал тайный приказ: накладывать побольше мяса всяким супер-отличникам вроде Хэ Цы или Лу Юньцзэ!

— А со мной-то что не так?

Хэ Цы, сидевший за соседним столиком и обедавший вместе с Ду Имином, неожиданно вставил слово.

— Как раз вовремя. Глянь-ка, сколько у тебя в супе мяса? — Пан Бо с загоревшимися глазами подсел ближе.

Услышав это, Хэ Цы перевел взгляд в свою тарелку.

— Раз, два, три, четыре... Тут и правда четыре куса?

Лян Хаожань мысленно потерял дар речи: неужели безумные догадки этого толстяка Пан Бо, словно слепая кошка, поймавшая мертвую мышь, оказались правдой?

— Видали! Я же говорил! — Пан Бо торжествующе хлопнул себя по бедру.

Однако реакция Пэн Юя оказалась весьма сдержанной:

— Совпадение, чистейшее совпадение. Тетка из столовой за день накладывает тысячи порций, с чего бы ей помнить в лицо Хэ Цы с Лу Юньцзэ и готовить для них отдельно?

Как бы ни анализировал ситуацию Пэн Юй, Пан Бо оставался непреклонным защитником своей теории заговора.

— Наверняка ей заранее показали фотографии с доски почета. Таких парней забудешь, как же!

— А как же Ли Цзыхао, третий ученик в параллели? С его-то заурядной внешностью тетка его и со ста раз не запомнит. Школа ведь не додумалась объедать всех ради первой двойки и забыть про третье место?

— Э-э... Пожалуй, тоже верно?

Ли Цзыхао из года в год занимал третье место в параллели, а в первом полугодии учился с Лян Хаожанем в одном классе.

Как бы его описать... Лицо у него было самое что ни на есть стандартное, до боли типичное для «китайского старшеклассника».

На всю школу найдется не меньше восьмидесяти парней с такой же короткой стрижкой и в черной пластиковой оправе очков, похожих на Ли Цзыхао как две капли воды.

Впрочем, сейчас речь вообще не об этом.

Лян Хаожань подхватил поднос и встал.

Оба товарища, еще секунду назад увлеченно обсуждавших, как именно заставить тетку из столовой запомнить лицо Ли Цзыхао, синхронно подняли на него головы.

— Ты куда? Неужели идешь качать права, чтобы нам мясца доложили? — вытаращив глаза, спросил Пан Бо.

Поняв, что у этого толстяка на уме одна еда, Лян Хаожань невольно усмехнулся:

— Я тебе не ты, позориться не собираюсь... Просто хочу проверить, действительно ли отличникам подкладывают мясо. А вы сидите себе смирно и хлебайте свою редьку.

— Проверить? Это как же?

Лян Хаожань пропустил вопрос Пэн Юя мимо ушей, подхватил поднос и широким шагом направился к столику через проход.

Там сидел Лу Юньцзэ.

Лу Юньцзэ, как и всегда, одиноко устроился в самом углу столовой, в левой руке держа миниатюрный сборник английских слов для подготовки к гаокао, перетасованных вразнобой.

Правая рука хоть и сжимала пластиковую ложку, но есть или пить он явно не собирался.

Стоило лишь взглянуть на его глаза, будто намертво приклеенные к страницам словаря, и всё становилось понятно.

Лян Хаожань беззастенчиво плюхнул поднос напротив Лу Юньцзэ и тяжело опустился на стул.

Собеседник, казалось, совершенно не обращал внимания на того, кто подсел к нему за стол, и даже не поднял век.

Или, скорее, он вообще не заметил появления соседа.

— Неужели у меня настолько незаметная аура...

Лян Хаожань тихонько пробормотал себе под нос, и только тогда Лу Юньцзэ оторвал взгляд от книги.

Его красивые глаза с чуть приподнятыми внешними уголками, от которых веяло неизменным ледяным холодом, при виде Лян Хаожаня тут же презрительно сузились.

— Чего тебе, с чего вдруг...

«Почему ты сел именно передо мной?» — должно быть, хотел процедить он.

Лян Хаожань расплылся в улыбке и с самым невозмутимым видом заявил:

— Пришел с инспекцией, проверить, не досталось ли тебе, отличнику, побольше говядины.

Услышав эту бессмысленную чушь, брови Лу Юньцзэ сошлись еще круче, а на лице отчетливо читалось: «Ты случаем не болен?».

— ...

Лу Юньцзэ, судя по всему, решил превратить его в пустое место: одарив парня убийственным взглядом, он с упрямым видом вернулся к изучению английских слов.

Из-за опущенной головы длинные ресницы отбрасывали аккуратные тени на белизну век.

— Ну что ты опять прикинулся глухим?

— ...

— Если ты будешь каждый день устраивать мне такой бойкот, мне, знаешь ли, тоже будет хоть немного обидно...

Заявления об обиде, разумеется, были чистой воды бахвальством.

Лян Хаожань не только не чувствовал себя уязвленным, но даже находил это забавным.

Раньше он и не подозревал, что обладает такой вредной натурой: чем больше его игнорируют, тем сильнее разгорается азарт.

Лян Хаожань зачерпнул ложкой рис, отправил в рот и подцепил палочками фирменное блюдо дня — свинину со вкусом рыбы.

На вкус оказалось неплохо, кисло-сладкий соус был выверен идеально.

— Сегодня свинина удалась на славу. Хватит зубрить слова, поешь пока горячее.

— ...

Слушал его Лу Юньцзэ или нет, Лян Хаожань продолжал невозмутимо уплетать обед.

После сладковатой свинины непременно требовалось закусить чем-нибудь кислым и острым, чтобы освежить рецепторы.

Он подхватил порцию картофельной соломки: хрустящая, соли и перца в самый раз, самое то под рис.

— Ого, а картошка-то хрустит... Отлично идет с мясом. Слышь, Лу-шэнь, а ты вообще ешь лук, чеснок, кинзу — ну, все эти пахучие штуки?

Лян Хаожань уставился на чинное и интеллигентное лицо Лу Юньцзэ.

Конечно, внешность напрямую не связана с гастрономическими пристрастиями... но как ни посмотри, этот парень не похож на того, кто станет сидеть в столовой и уплетать еду за обе щеки до седьмого пота.

Если уж подбирать сравнения, то казалось, будто этому молодому господину положено питаться изысканными легкими салатами, а если и заправляться углеводами — то разве что пастой с изысканной подачей.

— ...Diabetes mellitus.

Лу Юньцзэ, до этого упорно оборонявшийся и притворявшийся немым, не отрывая глаз от словаря, чуть приоткрыл губы и выдал поток беглого английского.

— Девиа... чего?

Понятно, что это какое-то заумное слово, да и произношение чертовски чистое и естественное... но по смыслу Лян Хаожань не уловил ни единой буквы.

— И что это вообще значит?

Лу Юньцзэ не желал отвечать на вопросы и, словно бездушный магнитофон, механически повторил только что произнесенную фразу:

— Diabetes mellitus.

Судя по тому, с каким упрямством он пялился в книгу, парень как раз добрался до этого термина.

Лу Юньцзэ явно надеялся заглушить назойливый источник шума в лице Лян Хаожаня с помощью громкого чтения английского вслух.

Что ж, тактика ясна.

Хотя этот маневр был раскрыт, отступить Лян Хаожань не собирался.

— Раз ты так громко зубришь, значит, специально для меня читаешь. Неужели это слово и есть то самое сокровенное признание, которое ты хочешь мне сделать?

— ...Diabetes mellitus.

— Считай, что в этот раз ты со мной согласился?

— Diabetes mellitus.

— Ну тогда мне придется хорошенько подумать, что именно ты хочешь мне сказать.

Лян Хаожань с напускной серьезностью потер подбородок.

— Diabetes mellitus.

— Хм... Красавчик? Обаятельный? Хочешь сделать мне комплимент? Ой, хоть с детства мне и говорят такое постоянно, услышать это от тебя всё равно как-то неловко.

Стоило Лян Хаожаню закончить фразу, как из уст собеседника донесся граничащий с бешенством ледяной голос:

— Сахарный диабет.

— А?

— Diabetes mellitus — сахарный диабет. Diabetes mellitus — сахарный диабет. Diabetes mellitus — сахарный диабет.

Сквозь стиснутые зубы Лу Юньцзэ трижды подряд повторил перевод на китайский.

<http://bllate.org/book/19354/1892261>